

Любич-Кошуров Иоасаф Арианович

Кабала

**Рассказ из истории крепостного
права в России XV в**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И75

И75 **Иоасаф Арианович Л.**
Кабала: Рассказ из истории крепостного права в России XV в / Любич-Кошуров Иоасаф
Арианович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 36 с.

ISBN 978-5-519-94407-6

ISBN 978-5-519-94407-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Иванъ снялъ стрѣлу и, взявъ самострѣлъ въ одну руку, не прикладывая его къ плечу, спустилъ тетиву. Тетива издала густой, короткій гудящій звукъ... Видно, этотъ звукъ долетѣлъ до ворона. Онъ сразу прервалъ свое карканье. Откликнулся онъ только много спустя ужъ совсѣмъ далеко и совсѣмъ въ другой сторонѣ.

На большой полянкѣ, заросшей орѣшникомъ, теперь было тихо и никого не было видно.

Только въ чащѣ орѣшника раздавались сдержанно два голоса.

— И для чего?... Ну, ты скажи... Иванъ! Ты послушай...

— Хитеръ чортъ.

— Онъ тутъ одинъ. Говорятъ, его тутъ еще вонъ когда видѣли.

Тихо, монотонно скрипитъ стволъ старой березы. Береза словно жалуется кому-то о чемъ-то и тоскуетъ, что все равно ея никто не пойметъ и никому не нужны ея жалобы.

А не жаловаться она не можетъ.

Р-пъ—рипъ...

— О, Господи,—слышится въ кустахъ... И кажется, это береза вздохнула, прорипѣла какъ-то особенно, будто то, о чемъ она тосковала всегда изодня въ день, всю свою жизнь, вдругъ всколыхнулось въ ней сразу, и на мгновеніе ей стало больнѣй и тоскливѣй, чѣмъ было больно и тоскливо всегда.

— Ты слышалъ, Иванъ?... Ты послушай. Былъ одинъ тысяцкій. Такъ себѣ, сначала обыкновенный былъ человѣкъ, а потомъ сталъ тысяцкій. Значить,

ему сейчас грамота: дескать, дается ему въ пожизненное владѣніе такое-то урочище.

А береза все рипить.

Ноющій, скрипучій голосъ будто тонетъ въ этомъ рипѣнїи, будто самъ старый лѣсъ шепчетъ изъ своей глубины про свои тайны.

— Да .. значить, все какъ слѣдуетъ. Холопи лѣсъ расчистили. Народу позвалъ. Значить, стали у него крѣстьяне. Ну, самъ знаешь, вольный я былъ человѣкъ, а теперь все равно что холопъ. Первое дѣло что?.. Первое дѣло сейчасъ пришелъ. Такъ и такъ, дескать, батюшка Артемъ Петровичъ, или тамъ какъ его... Да... Дескать, хочу во крѣстьяне порядиться, на твоихъ земляхъ сѣсть.

Еще тоскливѣе, еще безнадежнѣе звучить скрипучій голосъ. Словно рассказывающій все время разматывалъ повязку на ранѣ и, наконецъ, размоталъ и коснулся больного мѣста и показывает рану.

Вотъ она!..

— Да, значить, какъ все это у насъ будто по хорошему... Дескать, хочу...

На секунду голосъ оборвался, потомъ зазвучалъ опять нѣсколько громче съ болью и мукой.

— Иванъ!

Будто сдавленный стонъ пронесся въ кустахъ; будто человѣкъ хотѣлъ крикнуть громко и не могъ отъ боли.

— Иванъ, ну, скажи ты мнѣ! Ну, зачѣмъ такъ? Вѣдь земля царева?

— А то чья жъ... Царева да Божья...

— Такъ... И царь, значить, воленъ давать ее кому угодно.

— Воленъ, ежели его.

— Онъ и даетъ служилымъ людямъ. Такъ, я это понимаю... Служилому человѣку нужно коня хорошаго, нужна броня, бердышъ тамъ, копье. Все нужно. Развѣ я не понимаю. Одна броня чего стоитъ... Опять же нужно, чтобъ онъ въ довольствѣ и все такое... Потому что ежели онъ за-нуженный человѣкъ, такъ какой онъ воинъ... Значить, чтобъ сила въ ѣмъ была и крѣпость... И для того царь жалуетъ служилыхъ людей угодами. И опять же гляди: нынче онъ живъ, здоровъ, а завтра поминай какъ звали. Это тоже, это много значить... И для того указъ: тяглымъ людямъ не имѣть своей земли, а сидѣть на чужой... Арендовать землю у служилыхъ людей... Значить, чтобъ служилый человѣкъ росъ себѣ какъ рѣпа, а за рѣпой ходили бы, всячески ублажали... Чтобъ крѣпкій былъ народъ... Такъ... А зачѣмъ мучить! Навали на лошадь возъ—свезеть, а навали два... можетъ тоже свезеть... Да... А потомъ что?.. Охъ, Господи... Теперь вонъ что... Вольные мы люди, а все одно что холопы. Всѣ въ долгу... И уйти нельзя... Какъ уйдешь, когда на тебя кабала *) написана... Все одно найдутъ... А развѣ она правая, кабала?..

Голосъ опять прервался.

*) Кабалой въ старину на Руси назывался вексель, выдаваемый „тяглымъ“ человѣкомъ, арендовавшимъ землю у „служилыхъ людей“ — помѣщиковъ.

— Я жъ убѣгъ,—слышится другой голосъ.—Да мало ли бѣгутъ. Сколько деревень стоитъ пустыхъ—нѣтъ числа. Видѣлъ я тоже... Походи съ мое — узнаешь... На поляхъ кусты выросли, загороди всѣ лѣсомъ заросли,—и не видать, что загородъ... Я бѣ вашего Артемъ Петровича... Эхъ...

Слышно было, какъ треснула, и было видно, какъ наклонилась въ кустахъ, вздрогнувъ, надломленная вѣтка.

— Убѣгъ, убѣгъ,—занылъ опять первый голосъ.—То-то убѣгъ.

И снова полилась рѣчь тихая, тоскливая... Съ мукой и болью срывалось съ губъ каждое слово... Въ груди, казалось, не хватало воздуха, и все въ ней изсохло и потухло—всякая сила, вся ихъ жизнь... И осталась только одна эта мука.

— Убѣгъ... Ты вонъ ворона хотѣлъ стрѣлить. А я жъ тебѣ говорю, зачѣмъ?.. Охъ, Господи... Ты слушай, Иванъ... Стало-быть, про того тысяцкаго... Пришелъ бы, скажемъ, къ нему хоть я... Дескать, во хрестьяне хочу къ твоей милости... Ну, конечно, сейчасъ:

— Петръ—тамъ, дескать, или Василій, неси-ка сюда перо да чернило...

Да...

— Пиши!..

Приказчика, значить, кликнулъ. Застругалъ, значить перо, откупорилъ чернильницу, заскрипѣлъ...

Все равно какъ по твоей душѣ пишетъ... По груди съ исподу царапаетъ, по самому сердцу...

Дескать: „Се язъ Парфентій, сынъ крестьянскій

Агаповъ, далъ на себя записъ въ томъ, что поря-
дился за тысяцкаго“...

Пошла писать...

Написалъ.

— На обзаведенье есть?

— Нѣту, дескать, батюшка... Откуда у насъ.

— Возьми у меня.

Да...

— Сколько тебѣ?

--- Столько-то.

Ну, тамъ два рубля, три рубля—сколько надо.

Сейчасъ и опять вотъ она:

„Се, язъ Парфентій занялъ у тысяцкаго рубль
денегъ отъ Юрьева дня осенняго до Юрьева дня
на годъ. А на что мнѣ серебро давати ростъ на
пятъ шестой...“

Или тамъ сколько... Охъ, Господи... Значить
ростъ плати, а къ Юрьеву дню вернуть всѣ... А
откуда ихъ возьмешь вернуть? Значить, опять:

„Се, язъ...“

И такимъ-то способомъ закабалилъ онъ, можетъ,
сколько народу... Ему, значить, плати, подать пла-
ти. Заплакалъ тотъ крестьянинъ, взялъ и продался
въ холопи. Ему жъ продался.

И много тамъ тоже продались въ холопи. И тутъ
началъ же мудровать, началъ и этакъ и такъ...
Впроголодь кормилъ, въ вретище одѣвалъ. За ка-
ждую провинность на цѣпь. Все было.

И говорятъ, въ такое остервенѣніе вошелъ, что
разъ хлопъ—дескать, мнѣ теперь все одно.. Взялъ
и продался дьяволу... И сталъ летать въ видѣ во-
рона... Да... Бѣглыхъ тогда у него много было.

халъ я про тотъ народъ. Вострый народъ. У него сабля, у него конь, у него лукъ.

Рипить—рипить береза.

— А ты голъ, что ль!.. У него сабля и у тебя сабля, у него лукъ и у тебя лукъ... Онъ тебя, а ты его...

— И разный есть народъ... нашихъ то-есть?

— Всякій... Тутешнихъ много... Рязанскіе, тверскіе... Всѣ бѣгутъ, кому тѣсно.

— И церкви есть?

— Больше часовни... Поповъ мало... Какъ собрался итти сюда, сходка была. Да... Такъ на сходкѣ говорятъ: „ты бы, Иванъ, хоть пономаря какого подговорилъ бѣжать“... Можетъ, и подговорю...

Голоса умолкли... Въ наступившей тишинѣ издали смутно донесся собачій лай. Черезъ секунду въ кустахъ опять зазвучали голоса.

— Иванъ!

— А?

— Это мой... Шарикъ должно... Слышь, говорю, у насъ на деревнѣ.

— Пришелъ кто-нибудь?

— Охъ, Господи... Кому придти... Развѣ кто со двора...

— Холопи-то у него есть теперь?

— Есть, какъ же.

— Можетъ, кто изъ холопей?..

— Либо самъ...

— О?..

— Кто жъ его знаетъ?.. Иванъ!

— Ну?..

— Тебя тутъ никто не видѣлъ?

— Не... Никто.

— То-то... А то упаси Богъ...

Кусты зашумѣли... Потомъ изъ кустовъ поднялась высокая худая фигура въ бѣлой, подпоясанной веревкой рубахѣ. Выпуклые глаза глядѣли въ чащу лѣса въ ту сторону, гдѣ лаяла собака; ротъ былъ полуоткрытъ и отъ этого и оттого, что щеки натянулись на скулахъ, худое лицо казалось еще худѣе.

Собачій лай вдругъ перешелъ въ визгъ, жалобный, звонкій.

Человѣкъ съ русыми волосами быстро зашагалъ по кустамъ.

Собака продолжала визжать теперь уже ослабѣвающимъ, прерывистымъ лаемъ.

II.

Парфень Агаповъ быстро добрался до своей деревни.

Деревня, всего-на-всего три низенькихъ съ маленькими затянутыми пузыремъ окошками домиковъ, пріютилась тутъ же въ лѣсу, на расчищенномъ отъ деревьевъ пространствѣ...

Деревня—слово старое.

Въ то время добрыхъ три четверти Московскаго княжества и прилегающихъ къ нему княжествъ Тверскаго и Рязанскаго были покрыты дремучими лѣсами.

Тогдашній „хрестыанинъ“, сядя на землю, прежде всего долженъ былъ расчистить заарендованный

участокъ, повалить деревья, выкорчевать пни, вырубить кустарникъ.

Жилъ онъ, стало-быть, въ „деревахъ“, какъ тогда говорили.

Отсюда и деревня.

Рѣдкая деревня тогда насчитывала болѣе трехъ, четырехъ дворовъ...

Одинъ жилой дворъ, построенный въ „деревахъ“, тоже назывался деревней.

Парфень съ отцомъ арендовалъ землю ужъ давно, лѣтъ пятнадцать, у большого боярина, Артемія Петровича Обручева.

У Обручева „во хрестьянахъ“ сидѣло на его земляхъ въ той мѣстности до тридцати семействъ. „Деревни“ по два, по три двора были разбросаны по всему лѣсу. Жилось обручевскимъ „хрестьянамъ“ въ его безчисленныхъ деревняхъ плохо. Всѣ они были въ долгу у Обручева. Рѣдко кому удавалось выплатить долги и уйти искать счастья на новыя мѣста.

То было жестокое, суровое время.

Тогдашній крестьянинъ не имѣлъ никакой земельной собственности.

Земля раздавалась, какъ жалованье, „служилымъ людямъ“.

Крестьянинъ могъ только арендовать землю у „служилаго человѣка“...

На обязанности служилаго человѣка лежало по первому зову идти и грудью защищать родную землю, когда у границъ появлялся врагъ, когда родивъ грозила опасность.

Для прокормленія и для того, чтобы служилый

человѣкъ во всякое время могъ стать подъ знамена въ шипакѣ, бронѣ, съ мечомъ, копьемъ или пищалю, ему и давалась земля.

На доходы съ земли онъ долженъ былъ кормить себя и свое семейство, вооружаться, держать въ походѣ коня.

Обрабатывать землю личнымъ трудомъ служилый человѣкъ не могъ: земли ему давалось много, а сидѣлъ онъ на ней одинъ. Стало-быть, служилому человѣку необходимо еще было позаботиться о заселеніи жалованнаго ему помѣстья.

Тутъ какъ разъ въ помощь ему и являлся крестьянинъ.

Тогдашній крестьянинъ былъ „голъ какъ соколъ“.

Ни земли у него не было, ни оружія для обработки земли.

Волей - неволей онъ долженъ былъ идти къ служилому человѣку. Служилый человѣкъ ссужалъ его и деньгами, и орудіями, и лошадьми, отмежевывалъ ему участки земли, ставилъ на ней дворъ.

За это крестьянинъ обязывался работать на служилаго человѣка. Крестьянинъ тогда былъ вольный, такой же вольный, какъ и служилый человѣкъ. Заарендовывался онъ у служилаго человѣка обыкновенно „до Юрьева“.

Если къ этому времени крестьянинъ успѣвалъ выполнить всѣ обязательства передъ помѣщикомъ, заплатить „кабальный долгъ“, онъ могъ уйти къ другому служилому человѣку, къ другому помѣщику, искать себѣ другое дѣло.

Служилый человекъ, однако, держалъ крестьянина крѣпко около себя.

Служилому человеку важно было, чтобы земля его не пустовала, чтобы всегда онъ могъ располагать достаточнымъ для обработки числомъ рабочихъ рукъ.

По всей тогдашней Руси скрипѣли орлиныя перья...

„Се язъ“...

Слова кабалы огнемъ впивались въ крестьянскую душу.

Выплатить долгъ помѣщику для крестьянина не представлялось возможности. Иногда даже нечѣмъ было уплатить проценты.

И долгъ росъ годъ отъ году.

Приходилось все нести за этотъ долгъ на помѣщичій дворъ.

А когда крестьянинъ упорствовалъ или просилъ обождать съ уплатой, помѣщикъ прибѣгалъ къ строгостямъ, къ кнуту, къ держанію подъ карауломъ на водѣ и хлѣбѣ; сажалъ крестьянина на цѣпь, заковывалъ въ колодки...

Крестьянинъ былъ въ полной власти у помѣщика, и помѣщикъ, пока крестьянинъ не рассчитался съ нимъ „въ чистую“, могъ распорядиться съ нимъ, какъ ему было угодно.

„Ты мнѣ долженъ, стало-быть, отдай, что долженъ...“ Это было право помѣщика, и онъ пользовался имъ, не соображаясь съ тѣмъ, въ силахъ ли „отдать“ крестьянинъ, или нѣтъ.

Голодовки на Руси тогда были обычнымъ явленіемъ. Земля тогда обрабатывалась плохо... Для